

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ КОМИ ПОЭТА А. ЛУЖИКОВА В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК



В статье впервые рассматривается качество переводов стихотворений коми поэта А. Лужикова на русский язык. Во времена жёсткой смены жизненных парадигм, в конце XX в., вследствие острой душевной травмы, в его поэзии возникает мотив раздвоения мира. Во многих стихотворениях поэта ведётся речь о гибели коми жизни равной гибели мира. Лирический герой Лужикова оказывается вне социума. Переводчики стремятся передать драматический и трагический эмоциональный тон его произведений, эстетику поэтического одиночества лирического героя, отражающую мироощущение человека в эпоху глобального кризиса. В сборнике можно насчитать около 20 весьма удачных переводов, в которых адекватно воссозданы метро-ритмический рисунок, образно-лексический строй произведений, напряжение чувств лирического героя. В русских вариантах в целом удалось сохранить открытую экспрессию, выраженную риторическими фигурами; имеются художественно точно и верно переданные образы, включена соответствующая поэтико-философская терминология. В то же время во многих переводах использованы шаблонные выражения и готовые клише, добавлены чуждые для поэтики А. Лужикова (и в целом для коми поэзии) стилистические «украшения», восклицательные и вопросительные синтаксические конструкции заменены повествовательными и т.д. Подобные переводческие трансформации привели к снижению эмоционального накала текстов, и в целом, к искажению этнокультурного образа мира коми поэта.

Ключевые слова: Александр Лужиков, перевод, стихотворения, трагический, точность, клише, трансформации.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-284-292

Один из самых ярких представителей современной коми литературы – Александр Лужиков (1964–2006/2007). Он закончил художественно-графическое отделение Сыктывкарского педучилища № 1 (ныне – Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж им. И. А. Куратова) и Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал редактором литературно-драматического вещания Коми радиокомитета, редактором отдела журнала «Би кинь» («Искорка»). Первые публикации стихов появились в конце 1970-х гг. Был участником IX Всесоюзного совещания молодых писателей. Его стихи печатались в «Литературной газете», «Литературной России», в журнале «Север». Поэт успешно дебютировал в драматургическом жанре как автор пьесы «*Ыджыд висьём*» («Большая болезнь», 1997). В 1998 г. вышла его повесть «*Измём синва*» (Окаменевшая слеза). Член Союза писателей СССР с 1991 г. Автор трех сборников стихов. Трагически ушел из жизни в 2006/2007 г. (точная дата смерти не установлена).

Выход книги переводов стихотворений А. Лужикова [Лужиков 2012] в литературном мире Республики Коми стал событием, встреченным читателями и поэтами неоднозначно. Однако опубликованных комментариев, оценок, отзывов, тем более анализа переводов на сегодняшний день нет. Проект объединил переводчиков с разным поэтическим почерком: его близких друзей, коллег, живущих на земле Коми, а также поэтов, возможно, имеющих весьма отдалённое представление о народе и языке коми. В предисловии к книге переводов переводчик Б. Лукин делится своим видением литературы и языка коми: «Во время работы нами было выявлено прежде всего для самих себя не только глубинные различия между русским и коми языками, но своеобразие самой коми поэтики. Отсутствие сложных метафор, кажущаяся простота смысла <...> создавали наибольшие трудности <...> А коми литература, к счастью для неё, до сих пор зиждется на народной памяти, поэтому реминисценции ведут не к греческим, римским или евангельским сюжетам и героям, а к мифологической старине, оставшейся вполне реальным пластом в духовной жизни и памяти даже современного человека» [Лужиков 2012, 4–5]. Такое признание представляется нам важным в поиске переводческих решений.



В данной работе мы попытались провести сравнительно-сопоставительный анализ некоторых произведений поэта, а также свои наблюдения над эквивалентностью лексико-стилистического и образно-интонационного строя оригиналов и переводов.

Частотный анализ стихотворений А. Лужикова на коми языке показал, что сквозными образами в них являются *лов* – душа; *морт* – человек; *Ен* – Бог; топосы *енэж шёр* – середина, центр неба; *вичко* – храм; *рай и ад*; *чужан му* – родная земля, родина. В лексике его стихотворений доминируют слова «лов» / «душа» и «шёр» / «центр».

Можно назвать ключевым исследование Н. В. Гориновой об одном из лейтмотивов поэзии А. Лужикова: мотиве раздвоения мира, приведшее к выводу, что: «модификация А. Лужиковым образа странствующей души, характерной для представлений древних, раскрывает способность человеческой души к познанию новых миров, трансцендентальных, неведомых и недоступных человеческому сознанию. Поэт воспринимает душу как субстанцию, способную увидеть и узнать больше самого человека; как своего рода «место», где накапливается материал для творчества». [Горинова 2015, 50].

В связи с этим весьма удачным и логичным видится нам коми название сборника – «*Лэбб лолой енэж шёрти*» (букв. «Летит душа по центру неба»). Топос «шёр» / «центр, середина» встречается в стихотворениях данного сборника поэта около двадцати раз, преимущественно – в сочетании «*енэж шёр*» / «*центр неба*». Топос *центр неба* можно трактовать как начало начал, сакральное место для встречи с Богом. По некоторым космогоническим текстам коми, «Ен (Бог), завершив (или почти завершив) свои труды по сотворению мира, строит Енэж (Небо) и удаляется на него жить. В центре неба он оставляет отверстие, чтобы спускаться вниз» [Конаков 1999, 153]. Взлёт к центру неба и полёт по небосводу выражают состояние особого душевного подъёма лирического героя, освобождение от земного, греховного, состояние чистоты и первозданности. В переводе на русский язык название книги кажется не совсем точным, но художественно вполне оправданным, так как поэтическое пространство книги стихов А. Лужикова далеко не однозначно, многомерно, многополюсно, быстро меняющееся, трансформирующееся – оно живое! Название книги «За душою следом» словно приглашает читателя в сакральное путешествие.

В названии книги на коми языке звучит цитата, завершающая стихотворение А. Лужикова «*Коть и ачым муна пемыд вөрөд*». В переводе двух авторов: «Хоть иду я сам дремучим лесом» (Е. Исаева) и «Хоть иду я тёмною дорогой» (А. Попов) воссоздано двойственное мироощущение лирического героя; точно передан и метро-ритмический рисунок коми произведения: пятистопный хорей; первые четыре строки у обоих переводчиков очень схожи. Последующие же четыре стиха заметно разнятся: у А. Попова добавляется риторический вопрос, вводится тема поэта с осуждением двойственного состояния и с уверенностью в своём предназначении:

Что это за дело у поэта –
Тёмным лесом уходить от света?!
У меня единственное дело –
Чтоб душа моя летать умела [Лужиков 2012, 37].

У Е. Исаевой перевод выдержан полностью в стиле А. Лужикова, удивительно точно воссоздан характер рифм и сам способ рифмовки. Так, в коми стихотворении первая строка: «*Коть и ачым муна пемыд вөрөд*» / «Хоть и сам иду тёмным лесом», последняя строка – «*Со и лэбб лолой енэж шёрти*» / «Вот и летит душа по центру неба»; у Е. Исаевой в конце первой и последней строк даже части речи соответствуют оригиналу: «Хоть иду я сам дремучим лесом» – «А душа летит-летит по небу». Остаётся лишь гадать, почему в названии книги не звучит эта последняя строка ее перевода.

В книге стихов А. Лужикова вместе с лирическим героем мы оказываемся не только летящими по небосводу, но и в центре лугов и холмов: «*сиктой пуксяс мылькьяс шөрö*» / «село сядет посреди холмов» [Лужиков 2012, 20], «*сöмын локтö верж луд шөрöд*» / о своём коне: «только идёт посреди зелёного луга» [Лужиков 2012, 26], «*шогöй – чужан видзьяс шöрын*» / «горе – посреди родных лугов» [Лужиков 2012, 34], «*вöрса видзьяс шöрас*» / «посреди лесных лугов» [Лужиков 2012, 46], «*ичöт дитор шöрын*» / «в центре маленького островка» [Лужиков 2012, 58], «*петим быттьö тэкöд паськыд видзьяс шөрö*» / «вышли будто с тобой в центр широких лугов» [Лужиков 2012, 104]; его тянет быть посреди лесов и озёр: «*кыскö ниа пуа вөрö, кольквиж ваа тыяс шөрö*» / «тянет в лиственничный лес, в центр озёр с жёлтой водой»; именно здесь человек чувствует себя в безопасности, близости к Богу: «*сэни, быттьö вичко шöрын, öвтö сись да ладан көрөн* / там, словно посреди церкви, веет запахом свечи и ладана [Лужиков 2012, 68]. Лирический герой возвращается в центр брошенного дома



«бергöдчи да вои көдзыд керка шöрö» / «повернулся и пришёл в центр холодного дома», «эндöм керка шöрын» / «в центре запустевшего дома» [Лужиков 2012, 44]. В стихотворении «Шуём кывным муö усьö» / «Сказанное слово на землю упадёт» бабушка испечёт хлеб и поставит в центр стола: «пуктас няньсö пызан шöрас», она идёт домой по центру главной дороги «гортас мöдас мир туй шöрöд» [Лужиков 2012, 72]. Лирическому герою грустно и плохо в центре города «тэныд кар шöрас гажтöм да лёк» [Лужиков 2012, 102]. Душа лирического героя испытывает чувство и абсолютной свободы, и глубокого одиночества, и безнадёжного отчаяния, и неожиданной радости, и неизбежной тоски, и светлой надежды. Возможно, оказавшись в центре некоего пространства, человек может испытать и страх, и растерянность, и малодушие, и уныние. Такие чувства и состояния постепенно начинают держать верх в душе лирического героя, бросая её то в рай, то в ад; герой попадает то в водоворот, то на кладбище. «Перемещение из ада в рай требует постоянного самоопределения, «игры на повышение» в соответствии с бесконечным усложнением мира, а драматизм состоит в непонимании происходящего, переживании своего несоответствия открывающимся навстречу «световым стихиям» и возможностям» [Северская 2009, 139]. Лирический герой А. Лужикова оказывается вне социума. Живя в эпоху глобальных перемен, остро чувствуя боль момента, он переживает это как крушение и неминуемый личный крах, гибель коми жизни равно гибели мира. Дальнейшее углубление темы двойничества в его поэзии «отражает непримиримость лирического героя с действительностью, желание бежать из нее» [Горинова 2015, 54].

К сожалению, на русском языке только один раз во всей книге удалось точно передать важнейший в творчестве А. Лужикова топос *центр*: в переводе стихотворения «Шуём кывным муö усьö» / «Сказанное слово возвратится в землю», выполненном Б. Лукиным:

Каравай достанет да и с пылу с жару
Водрузит любезного в самый центр стола [Лужиков 2012, 74].

Это стихотворение заслуживает особого внимания. В нем утверждается мысль о животворящем и объединяющем начале родного слова: сказанное слово на землю упадет, прорастет, руки коми человека его смолотят, затем пожилая коми женщина замесит тесто, испечет ржаной хлеб, положит в красный угол на середину стола, помянет всех предков, позовет в гости весь честной народ; может быть, здесь найдут приют герои преданий коми: богатыри и демиурги, без вины виноватые, отверженные – всем найдется место; пусть сказанное слово и через века попадает в руки коми человеку. В стихотворении воплощена идеальная, желаемая для поэта, модель общества и жизни в целом: примирить противоположности, восстановить разорванный круг, принять себя и вписаться не только в вечность, но и в социум. На это указывают и образный строй, и кольцевая композиция произведения, и развитие сюжета. Образ слова объединяет явления добра и зла, реального и возможного, ожидаемого, прошлого и настоящего. Как точно отметила О.Н. Баженова, в конце произведения в ритуал сеяния хлеба и говорения слова входит и сам лирический герой [Баженова 2018, 56–57].

В переводе стихотворения произошли значительные ритмико-интонационные и лексико-стилистические трансформации. Замена четырёхстопного хореев коми стихотворения в русском варианте – шестистопным хореем с пиррихиями привела к смене разговорно-доверительной интонации на более величественную, подчёркнуто-значительную. К этому же направлены расширение образа, метафоризация путём добавления эпитетов и сравнений («рожь светло взойдёт», «к иконам древним», «словно полный месяц»), целых стихов-высказываний («По слогам просеет правда где и ложь», «Век, быть может, молод, а обычай стар», «Что-то непрестанно ищет в мире богово»). Заметно отсутствие в русском тексте важной детали коми текста – центра дороги: «гортас мöдас мир туй шöрöд» / «домой отправится по центру главной дороги». Идя по центру главной дороги, героиня-старушка, словно творец, собирает коми мир:

Накöд пукальштöм бöрын,
гортас мöдас мир туй шöрöд.

После посиделок с ними
Домой отправится по центру главной дороги.

Рудзöг няня пызан дорö
сиктса медбур йöзöс корас.

К столу с ржаным хлебом
самых лучших людей села позовёт.

Метафорическое уточнение ключевого образа: «коми мортлöн кыяс» / «рука коми человека» (Лужиков) – «мудрый коми мельник» (Лукин), – пожалуй, изменило концепцию всего произведения. У А. Лужикова в стихе «изас коми мортлöн кыяс» / «смолотит рука коми человека» говорится о до-



верии слова любому коми человеку и через него в целом коми народу. У Б. Лукина акцентируется «мудрый коми мельник» – определённый человек, владеющий особым даром, «знающий» мельник, это и профессионал, и человек, владеющий тайными знаниями» [Ведерникова 2014, 14].

В целом, по нашему мнению, в сборнике можно насчитать около 20 удачных переводов, некоторые из них просто замечательны. Это «Мать-и-мачеха» Дмитрия Фролова; «Дождь прошёл...», «Авель воскрес...», «Тьма вокруг была», «Болею», «Ты не знаешь, горе – что такое», «Предчувствие беды», «Доброе слово...», «Не знал...» Андрея Попова; «Суть стихов моих, страдая», «Завершая поиск...», «Сторона родная...» Владимира Сорочкина; «Хоть иду я сам дремучим лесом», «Наша жизнь, как снег, растает» Елены Исаевой; «Боль старуху несчастную гложет», «Осень, осень!» Валерии Салтановой.

Приведём для примера редкое в творчестве коми поэта по лёгкости и свету лирическое стихотворение и его перевод, выполненный А. Поповым.

*Зэрис-зэрис... Сэсса кобис.
И со лэбалё нин бобув.
Мазі матор корсьё-ёктё.
Чипас вылын пышкай йёктё.*

*Сэтиём гажя, лосьыд налы.
И он нюмды мёй нё талы?..
Таясь сьёлём оз мёй небзы,
Оз мёй бобув моз жё лэбзы?*

[Лужиков 2012, 50].

Дождь прошёл, о солнышке мечтая...
Вон уже и бабочка порхает,
И пчела гудит в цветочной чаше.
Воробей у дров намокших пляшет.

Так им хорошо, что нет ненастья.
Разве я не улыбнусь их счастью?
Разве сердце не открою свету,
Не пушу, как бабочку, над летом?

[Лужиков 2012, 51].

Коми и русское произведения представляют собой пейзажную, словно детскую, зарисовку оживления природы после летнего дождика. В переводе А. Попова точно передана эстетика оригинала: образность с «маленькими» героями: бабочка, пчела, воробей, а ещё дождь, сердце; художественные средства: вторая строфа состоит из риторических вопросов. Вполне оправданно, что эпитеты «гажа, лосьыд» – «весело, хорошо» переданы существительным «счастье». Немного изменился образ дождя: в оригинале он долгий, а в переводе краткий, лёгкий, словно грибной.

Стихотворение А. Лужикова «Тавой менё вёрёгьясёй кыйисны...» и его перевод «В эту ночь враги меня поймали», выполненный В. Сорочкиным, наполнены чувством страха, тревоги, опасности, ожиданием конца жизни лирического героя.

*Тавой менё вёрёгьясёй кыйисны...
Эзысь нёвйён сьёлём шёрё лыйисны...
Эшитіс гажёй! Овсьёма дай вивсьёма!
Окавсьёма! Йёктысьсьёма! Сывсьёма!
Ставсё лои висьталёма-шуйёма!
Тажья сурёс лэптёма дай юёма!
Олан гажёй воссьывліс дай эштёма!
Гажёдчёмьсь зарниён дай вештёма!
Палялі да, – ставыс вётён вёлёма!
Палялі да, – тінкё лыйём сьёлёмой!*

[Лужиков 2012, 88].

В эту ночь враги меня поймали –
В сердце удалой стрелой попали.
То сбылось, чего я опасался:
Отлюбил! Отпелся! Отплясался!
Что ж – такой мне, видно, жребий выпал. –
Я до дна хмельную чашу выпил.
Расплатиться золотом с лихою
Мне пришлось за прошлое лихое.
Но – проснулся! Не могу согреться...
Лишь стучит простреленное сердце.

[Лужиков 2012, 89].



Переводчик умело передаёт элементы почерка коми автора: точно воссоздан метро-ритмический рисунок пятистопного хоря, адекватно передан образно-лексический строй, уместно использован приём сгущения синтаксиса: «*Окавсьёма! Йёктысьёма! Съывсьёма!*» / «Отлюбил! Отпелся! Отплясался!». И всё же есть разница в степени эмоционального накала оригинала и перевода: приём сгущения синтаксиса в оригинале использован дважды и является сигналом к возрастанию эмоционального накала, который не ослабевает до конца текста. В русском варианте этот приём играет явную роль кульминации, после него наступает очевидная разрядка: «Что ж – такой мне, видно, жребий выпал», – свидетельствующая о смирении, принятии ситуации. Смена эмоций выражена прежде всего сменой синтаксиса: вместо восклицательных предложений оригинала – повествовательные. Крик души, предельное удивление, непонимание ситуации сменились сожалением, успокоением.

С ранних стихотворений поэтический почерк А. Лужикова во многом определяют риторические вопросы, при этом иногда большая часть произведения или всё стихотворение состоит из них. Они создают разнообразный эмоциональный фон, выражая удивление, сожаление, веру и неверие, уверенность, печаль, тоску, иронию, боль, тревогу, одиночество... В большинстве случаев переводчикам удаётся сохранить такую открытую экспрессию, тяготея, однако, к более спокойной, повествовательной интонации. Примером тому – одно из ранних и лучших стихотворений поэта «Олё пёчө...» и его перевод «Боль старуху несчастную гложет», мастерски выполненный В. Салтановой. Произведение почти полностью строится на риторических вопросах, отражающих беспросветную печаль старушки, потерявшей на войне мужа и сына; совестливость, чувство вины лирического героя и объединяющую этих двух героев неутраченную боль.

<i>Олё пёчө</i>	Боль старуху несчастную гложет,
<i>да мырсьө,</i>	сердце рвёт на куски,
<i>да кашкө...</i>	будто зверь, всё сильнее.
<i>Тайё пёчыслы</i>	Мне молиться старухе той, может?
<i>юрбитны</i>	Может, я виноват
<i>колё мен, гаиккө...</i>	в чём-нибудь перед нею?
<i>Гаиккө, пёч водзас</i>	Кто мечты выжег вместе с любовью?
<i>мыйыськө мыжа?</i>	Мужу павшему
<i>Коді томлунсө,</i>	что неотпетому снится?
<i>муслунсө</i>	Где отыщешь могилу сыновью?
<i>нөбөдіс-нуис?</i>	Почему не кончается жизнь –
<i>Усьём версьыс</i>	длится, длится...
<i>кытöні узьö?</i>	[Лужиков 2012, 61].
<i>Кытöн</i>	
<i>пыслöн</i>	
<i>аддзывтöм, лелькуйттöм гуыс?</i>	
<i>Мыйла</i>	
<i>олöмыс кажитчö кузьöн?</i>	
[Лужиков 2012, 60].	

Ритм коми стихотворения рваный, нервный: чередуются предложения, разделённые на три и две строки, каждое слово в начале новой строки звучит с высокой ноты, поддерживая общее напряжение. Это напоминает экспериментальные ритмы поэтов начала XX века В. Маяковского, В. Чистякова, В. Лыткина. Ритм перевода, отражая основной эмоциональный тон оригинала, более статичный, ровный ввиду классического построения стиха и деления на строфы.

В переводах произведений коми поэта А. Лужикова, конечно же, есть и потери, и находки. Как находки отметим некоторые почти буквальные, но художественно точные и верные обороты: «коми парма от – ширь тайги» [Лужиков 2012, 110–111], «позтöм көк моз – как кукушкой бездомной» [Лужиков 2012, 6–7], «вижьюр – мать-и-мачеха, цветок-огонёчек» [Лужиков 2012, 10–11], «кад – хронос» [Лужиков 2012, 12–13], «вичко кодь югид – словно храм, светла» [Лужиков 2012, 48–49]. В данном ряду перифраз «цветок-огонёчек» Д. Фролова – настоящая находка. Приведем перевод на русский язык стихотворения А. Лужикова «Вижьюр тшапкысьö» («Мать-и-мачеха цепляется»), выполненный Д. Фроловым:



*Вижьюр тишакысьö
вöсьныдик
нэриник вужйöн...
Эм на эбöс да вын...
Тани, Войвылын,
ставыс зэв сьöкыда чужö –
муыс вынтöм
да кын.
Кöть и кынтöмысь,
кöдзыдысь сьöлöмыс полö,
кöть и гöгöрыс – йи,
но вот чужöма вижьюр,
зэв нэриник олöм,
сьöлöм ышöдысь би.*

[Лужиков 2012, 10].

Говорят, мать-и-мачеха согревается в тундре
Не теплом, а мечтой о тепле.
Здесь, на Севере, всё зарождается трудно
В этой скудной и мёрзлой земле.

Как он хрупко дрожит на ветру, стебелёчек!
Но весенняя хватка корней
Так крепка, что неяркий цветок-огонёчек
Всех снегов и морозов сильнее!

[Лужиков 2012, 11].

Коми слово «вижьюр» образовано из двух корней – виж (жёлтый) и юр (голова), дословно переводится как «жёлтая голова». На коми языке стихотворение завершается строчкой-перифразом «Сьöлöм ышöдысь би» – досл.: «Сердце вдохновляющий огонь». Образ передаёт духовную силу и свет хрупкого цветка, рождённого и в мёрзлой земле. Переводчик нашёл яркий и краткий образ-перифраз – «цветок-огонёчек», в полной мере отражающий образ оригинала.

У А. Лужикова в стихотворении «Еджыд дөрöм» / «Белая рубашка» есть запоминающийся, замечательной свежести образ купальницы:

*Лым кодь югыд, сöстöм дөрöм
öвтö купальница кёрöн.*

[Лужиков 2012, 80].

Как снег светлая, чистая рубашка
Веет запахом (вкусом) купальницы.

В переводе В. Салтановой этот образ заменён образом инея:

Белая как снег в низине,
Чистая как первый иней.

[Лужиков 2012, 81].

Можно сказать, что незаслуженно опущенный в данном переводе образ купальницы компенсируется в образном мире переводных стихотворений книги появлением образа цветка-огонёчка в другом стихотворении.

К потерям можно отнести бросающиеся в глаза шаблонные выражения и готовые клише, чуждые лирике А. Лужикова: «весна не за горами» [Лужиков 2012, 67]; «как стены храма», «на все руки мастерица», «но пришла другая мода», «если честно», «вечным сном она объята», «источник света» [Лужиков 2012, 81], «словно полный месяц» [Лужиков 2012, 74], «всё до крохи отдавали, как от сердца отрывали» [Лужиков 2012, 41] и др. Читателя уводит от истинного смысла произведения «приукрашенность» образа через добавление несвойственных стилю коми поэта «пафосных» эпитетов: «соцветий пенных», «сердце радужное», «лазоревого зарёю» [Лужиков 2012, 51], «небо стынет звёздно», «лунной зыби платье примеряет», «шальная птица» [Лужиков 2012, 55], «сквозь века земные, сквозь преграды терний» [Лужиков 2012, 75], «неприглядный финал», «похмельное солнце по форме овал», «чище, горестней, праведней» [Лужиков 2012, 119]. Александр Лужиков редко использует эпитеты, тем самым не описывает происходящее, и тем более не даёт ему оценку. Приведем ещё несколько явных и весьма досадных фактических несоответствий:

*«Аддысьлыны сёрми
Эжва юкöд»
[Лужиков 2012, 54].*

Увидеться опоздал
с Эжвой рекой).
(подстрочный перевод мой. – Е.О.).



Перевод В. Салтановой:
«С детства дорогая
речка Эжва»

[Лужиков 2012, 55].

Название реки Эжва переводится на русский язык как «луговая река». В русской речи чаще используют обско-угорский эквивалент *Вычегда*. По географическим признакам, это вторая по величине река в Республике Коми и самый большой приток Северной Двины. По некоторым источникам, в России Вычегда считается самой сложной и трудной рекой. Она часто выходит из своих берегов, размывает их, вследствие чего образуются разрушающие оползни. Исследователи литературного наследия Коми края XIX в. отмечают, что топоним реки занимает «особое место в аутентичной пространственной модели края. <...> Вычегда в описании учителя Яренского уездного училища Е. А. Балова предстает воображению читателя рекой извилистой и своенравной: «протекая три уезда на расстоянии до 700 верст, [она] имеет обрывтые яростью волн на большом расстоянии берега, причем представляются взору или поверженные, или с корнем вовсе поглощенные деревья. Мутные и частью песчаные воды свои катит она в Двину. При устье Вычегды кончается Зырянский край» [Лимерова 2017, 110, 112]. Для коми человека Эжва – это символ коми жизни, поистине священная река, широко воспетая в коми литературе. Можно согласиться с выражением В.Н. Дёмина: «И сегодня Эжва для коми поэтов – это то же самое, что Волга – для россиянина и Амур – для жителей Дальнего Востока [Дёмин 1982, 43]. Поэтому использование слова «речка» в отношении к Эжве воспринимается как нарушение ментально-духовного уровня.

Следующий пример:

«кылö:
тöлыс
локтö кöлокöла сизим вöлön»
[Лужиков 2012, 56].

«слышно:
зима
приходит семью конями с колоколами.

Перевод В. Сорочкина:
«Слышно – весело и бойко
Мчится зимушка на тройке»

[Лужиков 2012, 57].

Фактическая замена образа семи коней тройкой, стилистический сдвиг с добавлением эпитетов со значением радости «весело и бойко», употребление уменьшительно-ласкательной формы «зимушка» привело к серьезному искажению мироощущения лирического героя. Торжество громкой наступательности зимы заменено ожиданием весёлого праздника.

Приведем ещё одно наше наблюдение: в переводах на русский язык стихотворений А. Лужикова авторы нередко используют терминологию, в основном таких наук, как философия, медицина, филология. Д. Фролов: «стихия воды», «разум», «Хронос»; В. Сорочкин: «из комы», «прозрачнее слюды», «пространство сердца», «суть стихов», «аорта», «аккорды»; В. Стрелец: «тёплый климат»; «в коме»; В. Салтанова: «отшлифованных камней», «холст», «стихотворный сборник», «автор книги», «флёр», «источник света»; А. Попов: «талант», «тюрьма», «ГУЛАГ», «повесть», «финал», «по форме овал». Скорее всего, по функции такие термины можно отнести к поэтико-философским. Поэзия Александра Лужикова действительно философская: ставит вопросы жизни и смерти, она эмоционально насыщенная, пронизывающая насквозь искренностью и болью. Поэтому в данном случае такую терминологию можно признать адекватной оригиналу.

П. М. Топер пишет о складывании новой ситуации «когда переводческое дело становится предметом пристального внимания по обе стороны языковой границы. Ревнивое отношение к тому, как будет представлена своя национальная культура в глазах других народов, предопределяет сегодня жесткую требовательность к незамутнённости понятия «перевода» и его «репрезентативности». Перевод «в чистом виде» («собственно перевод») предпочитается общественным мнением в наши дни, как правило, любым, самым ярким и талантливым, переделкам» [Топер 2001, 237]. В то же время весьма справедливо высказывание Т. А. Казаковой: «Переводчик представляет собой личность, а не аппарат по воспроизводству языковых единиц. С этой точки зрения даже неудачные, но творческие переводы не менее ценны, чем самое тщательное следование букве исходного текста, поскольку в



них отражается «лаборатория переводчика», сведения о переводческой модели исходного текста и замысла автора» [Казакова 2006, 140].

Подводя предварительные итоги анализа переводов на русский язык стихотворений Александра Лужикова, можно констатировать, что переводчики почувствовали драматический и трагический эмоциональный тон его произведений, эстетику поэтического одиночества лирического героя, отражающую мироощущение человека в эпоху глобального кризиса. Для российского читателя это узнаваемо и сопереживаемо. Верно и то, что во многих случаях упущено из виду воссоздание ритмических и стилистических особенностей подлинника, при этом трансформации направлены, с одной стороны, на снижение его эмоционального накала, с другой стороны, на «украшение» текста несвойственными ему выразительными средствами. В переводах создан усредненный образ мира поэта, без национальной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

Баженова О. Н. Александр Лужиковлөн «Шуом кывным муё усьö» кывбурын мифологической ин да кад / Мифологическое пространство и время в стихотворении Александра Лужикова «Сказанное слово возвратится в землю» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2018. Вып. 7. С. 54–59.

Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12 (36): Филология. С. 6–22.

Горинова Н. В. Мотив двойничества в поэзии А. Лужикова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 1. С. 48–56.

Дёмин В. Н. О национальной образности коми советской поэзии 70-х годов // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Сыктывкар, 1982. С. 30–45.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 224 с.

Лимерова В. А. Река в литературной топографии Коми края XIX в. // Известия общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А. К. Гагиева. 2017. Вып. 1 (16). С. 110–117.

Лужиков А. М. Лэбö лолöй энэж шöртi. За душою следом. Кывбуръяс. Стихи. Сост. А. Г. Попов, Н. А. Обрезкова. Сыктывкар: АУРК «Редакция газеты «Коми му», 2012. 128 с.

Конаков Н. Д., Власов А. Н. Энэж // Мифология Коми / Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. С. 153–154.

Северская О. И. Поэтика перестройки и «перестройка» поэтики: о влиянии эпохи на язык русской поэзии 1980-2000-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (184). С. 134–154.

Тонер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. 254 с.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Остапова Елена Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55

E-mail: Ost-1966@yandex.ru

E. V. Ostapova

FEATURES OF REPRESENTATION OF POEMS BY A. LUZHNIKOV IN RUSSIAN TRANSLATIONS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-284-292

The article first reviews the quality of translations of the poems of the Komi poet A. Luzhnikov into Russian. At the time of the harsh change of life paradigms, at the end of the 20th century, due to acute mental trauma, a motive for dividing the world appears in his poetry. Many poems by A. Luzhnikov speak of the death of the Komi life equal to the death of the world. His lyrical hero is out of society. Translators strove to convey the dramatic and tragic emotional tone of his poems, the aesthetics of the poetic loneliness of the lyrical hero, reflecting a person's worldview in the era of the global crisis. In the collection of poems we can count about 20 very successful translations in which the metro-rhythmic pattern, the figurative-lexical system of works, and the tension of the feelings of the lyrical hero are adequately recreated. In general, the translations maintain an open expression, conveyed by rhetorical figures; there are artistically accurate and faithfully conveyed images, the poetical and philosophical terminology is saved. At the same time, many translations used some template expressions and ready-made clichés and added stylistic “decorations” alien to poetry by A. Luzhnikov (and generally to the Komi poetry). Moreover, in Russian versions, exclamatory and interrogative syntactic



constructions were replaced by narrative ones. Such translation transformations led to a decrease in the emotional intensity of texts, and in general, to a distortion of the ethnocultural image of the the Komi poet's world.

Keywords: Aleksandr Luzhikov, translation, poems, tragic, adequacy, cliché, transformations.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 284–292. In Russian.

REFERENCES

- Bazhenova O. N.** *Aleksandr Luzhikovlön «Shuöm kyvnyim muö us'ö» kyvburyn mifologichesköi in da kad* [Mythological space and time in “Our spoken word will drop into the ground”, the poem by Aleksandr Luzhikov]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriiä gumanitarnykh nauk* = Bulletin of Syktyvkar State University. Series of Humanities. Vol. 7. 2018. Pp. 54–59. In Komi.
- Vedernikova N. M.** *Mel'nitsy i mel'nik v russkoi mifologii* [Mills and millers in the Russian mythology]. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue. № 12. 2014. Pp. 6–22. In Russian.
- Gorinova N. V.** *Motiv dvoinichestva v poezii A. Luzhikova* [The motif of twins in the poetry by A. Luzhikov]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2015. Vol. 1. Pp. 48–56. In Russian.
- D'omin V. N.** *O natsional'noi obraznosti komi sovetkoi poezii 70-kh godov* [About the national imagery of the Komi soviet poetry in the 1970s]. *Natsional'noe i internatsional'noe v komi literature i fol'klore* = National and international features in the Komi literature and folklore. Syktyvkar, 1982. Pp. 30–45. In Russian.
- Kazakova T. A.** *Khudozhestvennyi perevod: v poiskakh istiny* [A literary translation: looking for the truth]. St. Petersburg, 2006. 224 p. In Russian.
- Limerova V. A.** *Reka v literaturnoi topografii Komi kraia XIX v.* [A river in the literary topography of the Komi region in 19th century]. *Izvestiia obshchestva izucheniia Komi kraia, nauchno-populiarnyi kraevedchskii zhurnal* = Proceedings of the Society for the Study of the Komi region, popular science magazine about the local history. Vol. 1. Syktyvkar, 2017. Pp. 110–117. In Russian.
- Luzhikov A. M.** *Lebö lolöi enezh shörti. Kyvbur"ias.* [My soul flies in the sky, collection of poems]. Syktyvkar, 2012. 128 p. In Komi and Russian.
- Konakov N. D.** *Enezh.* [The sky]. *Mifologiia Komi* = The Komi mythology. M., 1999. Pp. 153–154. In Russian.
- Severskaia O. I.** *Poetika perestroiki i «perestroika» poetiki: o vliianii epokhi na iazyk russkoi poezii 1980-2000-kh gg.* [Poetics of ‘Restructuring’ and restructuring of poetics, about the influence of the time on the language of Russian poetry]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser.2. Gumanitarnye nauki* = Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities. 2019. №1 (184). Pp. 134–154. In Russian.
- Toper P. M.** *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniia.* [Translation in the system of comparative literature]. M., 2001. p. In Russian.

Received 25.03.2020

Ostapova Elena Vasilievna

A lecturer of the Department of the Komi philology, Finno-Ugric and Regional studies
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
Oktyabrskiy prospect, 55, Syktyvkar, 167001, Russian Federation
E-mail: Ost-1966@yandex.ru